

УДК 913:911.3

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ДОЛЕ РУССКИХ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И БАЛТИИ

© 2020 г. А. Г. Манаков^{a, b, *}

^aПсковский государственный университет, Псков, Россия

^bБалтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

*e-mail: region-psk@yandex.ru

Поступила в редакцию 04.06.2019 г.

После доработки 22.08.2019 г.

Принята к публикации 28.11.2019 г.

Представлены результаты анализа динамики русского и русскоязычного населения на государственном и региональном уровне европейских стран СНГ (Республика Беларусь, Украина и Молдова) и Балтии (Эстония, Латвия, Литва) в постсоветское время. С учетом дат проведения переписей населения в этих странах интервал исследования разделен на два периода: последнее десятилетие XX в. и первое десятилетие XXI в. 1990-е годы характеризовались значительным оттоком русского населения из стран Балтии и Молдовы, а также уменьшением доли русских вследствие смены этнического самосознания в Республике Беларусь и Украине. В первом десятилетии XXI в. продолжался отток русских из стран Балтии, наиболее значительный — в Латвии, минимальный — в Эстонии. В Республике Беларусь вследствие принятия в 1995 г. русского языка в качестве второго государственного произошло значительное увеличение численности и доли населения, признающего русский язык в качестве родного. Результаты анализа динамики доли русских рассмотрены сквозь призму концепции геокультурного пространства. В соответствии с этой концепцией доля русского населения может выступать в качестве количественного критерия для разграничения компонентов территориальной структуры Русской геоэтнокультурной системы, которая испытала значительное “сжеживание” в постсоветское время.

Ключевые слова: постсоветское пространство, этническая структура населения, доля русских, геоэтнокультурная система

DOI: 10.31857/S2587556620020090

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ТЕМЫ

Проблематика динамики русского населения в странах постсоветского пространства находит отражение во многих исследованиях, что свидетельствует об актуальности данной тематики в отечественной науке. Работы, включающие сюжеты по динамике численности и доли русских, обычно рассматривают не только изменение этнической структуры населения постсоветских стран, но и демографические проблемы, в особенности внешние миграции населения, а также проблемы этнической самоидентификации населения, сопряженные с использованием русского языка и его признанием в качестве родного языка.

В первую очередь, отметим, что достаточно редко встречаются работы, посвященные данной тематике одновременно для всех европейских стран постсоветского пространства. Обобщающее изучение динамики этнических процессов осложняется разными годами проведения пере-

писей в государствах, образовавшихся в результате распада Советского Союза, а также разным характером проблем, с которыми сталкивается русское население в этих странах. Тем не менее, актуальность таких исследований только возрастает. Например, отметим вышедший в 1997 г. сборник “Русские в новом зарубежье...” [22], монографию 2014 г. «“Наши” за границей...» [18], а также статью, где рассмотрена миграционная активность русскоязычного населения в странах, входящих в СНГ, функционирование там русского языка (на основании опроса населения шести государств, включая Республику Беларусь и Молдову) [14]. Однако ракурс обозначенных работ не предусматривал детального географического анализа, что и предопределяет новизну данного исследования.

Что касается изучения данной темы в отдельных постсоветских странах, то нужно отметить работы украинских ученых по анализу современных этнических процессов на территории Украины [4, 13, 23, 29 и др.], а также исследователей, как

украинских, так и российских, озабоченных положением русских и русскоязычия в этой стране [3, 8, 9 и др.]. Территориальная динамика русского населения на уровне регионов постсоветской Украины рассмотрена подробно в работах [19, 28]. В Республике Беларусь современные этнические процессы чаще всего рассматриваются в связи с вопросами билингвизма [5, 31], а также в рамках демографической проблематики [1, 2]. Динамика русского населения в постсоветский период в Республике Беларусь подробно изучена в работе [11]. Также актуальной является этническая тематика в Молдове и Приднестровье [12, 24], где, в частности, рассматриваются социально-демографические трансформации русского населения в постсоветское время [21]. Изучение этнических процессов в странах Балтии обычно сопряжено с анализом демографических проблем, в особенности, со значительным миграционным оттоком населения в постсоветское время и положением русскоязычного меньшинства [10, 27, 30, 33 и др.].

Хотя результаты обозначенной исследовательской задачи могут вызывать интерес как со стороны этнической географии и этнодемографии, так и с точки зрения этнологии и этносоциологии, нужно отметить, что данное исследование выполнено в рамках концепции геокультурного пространства, разработанной в отечественной культурной географии в 1990-е и начале 2000-х годов. Эта концепция опирается на труды классиков цивилизационной теории, таких как Н.Я. Данилевский, П.А. Сорокин, О. Шпенглер, А. Тойнби и др., а также на работы современных исследователей в рамках самых разных научных направлений. Геокультурное пространство является многогранным явлением, имеет сложную вертикальную и горизонтальную структуру [17]. В данной статье речь пойдет только о выделении территориальных компонентов одного из многочисленных слоев геокультурного пространства, а именно этнического слоя.

Одним из ключевых в концепции геокультурного пространства является понятие геоэтнокультурной системы (ГЭКС), введенное С.Я. Сушиным и А.Г. Дружининым [26]. Ими же было предложено рассматривать ряд компонентов ГЭКС, имеющих территориальное выражение: ядро, регионы, этноконтактные зоны, социокультурные поля, геокультурные и геополитические поля. Как отмечают авторы понятия ГЭКС, “реалии при этом таковы, что определение любой территории как ядра, периферии, контактной зоны и т.д. окажется корректным лишь применительно к определенной геоэтнокультурной системе. Ведь в пределах планетарной оболочки развиваются и функционируют не просто различные, но и разноразмерные геоэтнокультурные системы, поэтому территория, выступающая в одном случае как

контактная зона, в иной ситуации предстает ядром и т.п.” [26, с. 24]. Тем не менее, на наш взгляд, существует необходимость в разработке количественного инструментария для разграничения разных компонентов территориальной структуры ГЭКС.

По аналогии с авторами концепции ГЭКС В.Н. Стрелецкий [25] выделяет ключевые компоненты этнического пространства России, такие как мегаядро, контактные (этноконтактные) зоны, иноэтнические регионы. Причем для выделения, например, русского мегаядра он опирается на количественные критерии, а именно на долю русского населения, проживающего в том или ином субъекте федерации. Нами также предлагалось использование этого количественного критерия для территориальной структуризации Русской ГЭКС [15, 17]. Но, если В.Н. Стрелецкий для отделения Русского мегаядра от национальных регионов предлагает использовать порог в 80% русского населения, нами предложено отдельно выделять Русское этническое ядро, где доля русских превышает 90%, и контактную зону Русского мегаядра с долей русских от 75 до 90%. Вместе эти два компонента образуют ядро Русской ГЭКС.

Применительно к территориям за пределами России можно говорить о таких компонентах, как социокультурное поле Русской ГЭКС, разделенное на три категории в зависимости от величины непосредственного этнокультурного влияния со стороны ядра Русской ГЭКС: минимального — с долей русских до 5%, слабого — от 5 до 10%, сильного — от 10 до 25%. Некоторые территории относятся к полиэтнической периферии Русской ГЭКС, разделенной на внешнюю периферию (с удельным весом русских от 25 до 50%) и внутреннюю периферию (с долей русского населения от 50 до 75%). Данные количественные критерии выделения основных компонентов Русской ГЭКС применительно к региону исследования были апробированы на примере целого ряда переписей населения, как Первой всеобщей переписи 1897 г. [17], так и ряда советских переписей (во второй половине XX в.) [15].

Цель статьи — выявление пространственных различий в динамике русского населения в постсоветских странах Восточной Европы и Балтии, рассмотренных в рамках концепции геокультурного пространства.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Основными территориальными ячейками, по которым проведен анализ, выступили области Украины и Республики Беларусь, а также целиком территории небольших по площади европейских постсоветских государств (иногда с выделе-

нием регионов внутри них). Но при этом столицы этих стран рассмотрены отдельно от окружающих территорий.

В качестве базовой статистики проведенного анализа выступили результаты последней советской переписи населения 1989 г., размещенные на сайте *demoscope.ru* [6, 7]. Основным источником по итогам переписей населения стран Ближнего зарубежья за постсоветский период стал сайт *Population statistics of Eastern Europe & former USSR* [32].

Переписи населения в постсоветских странах проводились в разные годы, что существенно затрудняет обобщающий географический анализ их результатов. Для анализа территориальных различий в динамике численности и доли русского населения были взяты итоги переписей, проведенных в хронологически близкие сроки. Первый раунд переписей пришелся на 1999 г. (Республика Беларусь), 2000 г. (Эстония и Латвия), 2001 г. (Литва и Украина), 2004 г. (Молдова и Приднестровье). Второй раунд переписей был проведен в 2009 г. (Республика Беларусь), 2011 г. (Эстония, Латвия и Литва), 2014 г. (Молдова без Приднестровья). Только Украина не провела перепись населения на рубеже первого и второго десятилетий XXI в., поэтому ее территория исключена из анализа, охватывающего первое десятилетие нашего столетия. Правда, исключение в этом плане составила Республика Крым, где перепись населения была проведена в 2014 г., сразу после ее вхождения в состав Российской Федерации. Анализ динамики этнической структуры населения Крыма с 1959 по 2014 гг. был рассмотрен нами в [16]. В этой статье анализ динамики русского населения Крыма представлен только в период между переписями 1989 и 2001 гг., что позволяет увидеть место Республики Крым в общеукраинских этнических трансформациях в этот период.

Важной составляющей переписи населения Украины в 2001 г. и двух переписей населения Республики Беларусь (в 1999 и 2009 гг.) было выявление людей, признающих в качестве родного русский язык. Также нами была оценена доля русскоговорящего населения в странах Балтии (Эстония, Латвия и Литва), что позволило проанализировать динамику русскоязычного населения (или населения, признающего русский язык в качестве родного) за период с 1989 по 1999/2004 гг., а по странам Балтии и Республике Беларусь — с 1999/2001 по 2009/2011 гг. Соответственно, проанализированы территориальные различия между долей собственно русского населения и граждан Украины и Республики Беларусь, называющих русский язык в качестве родного. По странам Балтии данные различия рассмотрены на уровне контрастных по доле русских регионов: преимущественно русскоязычных (Ида-Вирумаа в Эстонии и

Латгалии в Латвии), столиц стран с повышенной долей русскоязычного населения и остальных территорий с пониженной долей русскоязычных.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Динамика русского населения в последнем десятилетии XX в.

Перед распадом Советского Союза, согласно переписи населения 1989 г., самая высокая доля русского населения среди западных союзных республик была в Латвии (34%), далее следовали Эстония (30.3%), Украина (22.1%), Белоруссия (13.2%), Молдавия (13%) и Литва (9.4%). Во всех этих республиках повышенной долей русских отличались столицы. Кроме того, на территории Украины русские превышали 40% населения в Крыму, Луганской (тогда Ворошиловградской) и Донецкой областях (рис. 1), и свыше 20% населения составляли в большинстве южных и юго-восточных областей. Минимальная доля русских (менее 5%) характеризовала некоторые северо-западные области Украины. В Белоруссии распределение русских было более равномерным, но несколько выделялись повышенным удельным весом русского населения (свыше 12%) восточные области республики, граничащие с Россией.

В Эстонии, кроме Таллина, была высока доля русских на территории современного уезда Ида-Вирумаа (70%), особенно в городах Силламяэ (86.4%), Нарва (85.5%), Кохтла-Ярве (64.7%) и Кивиыли (51.7%). При этом, в населении остальной части Эстонии доля русских составляла всего 13.3%. В Латвии, кроме Риги, доля русских превышала 40% в Латгалии, а на остальной территории республики была вдвое ниже. Именно таковой была география русских в западных республиках перед распадом Советского Союза, рассматриваемая как точка отсчета для постсоветских этнических трансформаций.

С точки зрения концепции геокультурного пространства в 1989 г. только два региона исследуемой территории можно было отнести к внутренней периферии Русской ГЭКС (с долей русских свыше 50%) — Ида-Вирумаа (Эстония) и Крым. Но сразу четыре области юго-востока Украины, а также Одесская область, могли быть рассмотрены в качестве внешней периферии Русской ГЭКС (с долей русских от 25 до 50%). В эту же категорию в то время можно было отнести столицы Эстонии и Латвии.

К социокультурному полю Русской ГЭКС с сильным этнокультурным влиянием (с долей русских от 10 до 25%) относилась почти вся территория Белоруссии, столицы Литвы и Украины, фактически все оставшиеся области юго-востока Украины и вся Молдавия. Остальные территории европейских республик Советского Союза можно

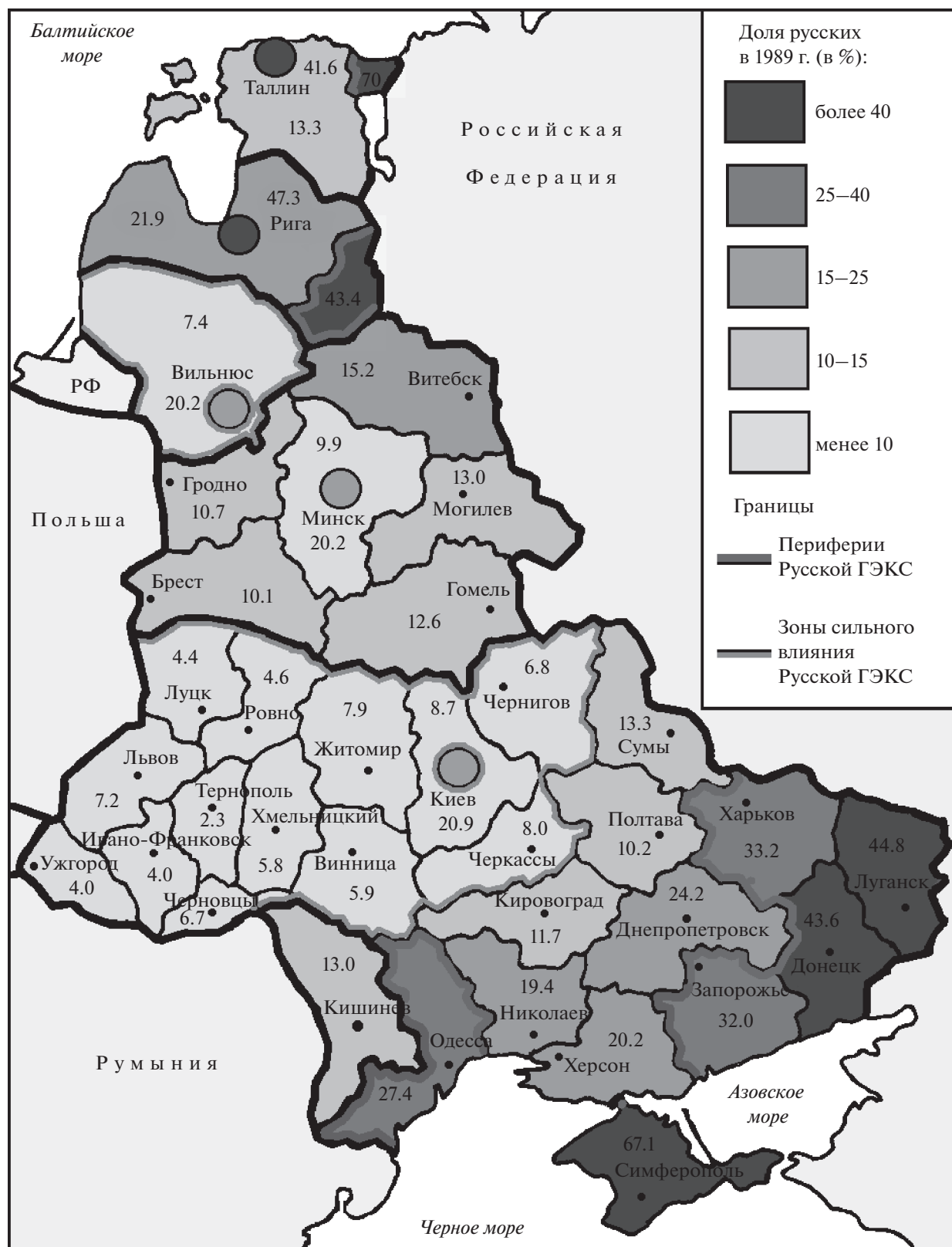

Рис. 1. Доля русского населения по итогам переписи 1989 г. (составлено автором по [6, 7]).

было отнести к социокультурному полю Русской ГЭКС со слабым этнокультурным влиянием (менее 10% русских), при этом минимальной долей русских (менее 5%) отличался ряд областей Западной Украины.

Изменение доли русских между последней советской переписью (1989 г.) и первым раундом постсоветских переписей (1999/2004 гг.) представлено на рис. 2. Наиболее значительное уменьшение доли русских было на Украине (–4.73%), далее следовали Эстония (–4.55%), Латвия (–4.39%), Молдова (–3.54%), Литва (–3.06%) и Республика Беларусь (–1.85%). Но с учетом разной позднесоветской доли русских нужно отметить тройку реальных лидеров по сокращению русского населения в постсоветское время. Так, количество русских уменьшилось за это время на 33% в Литве, на 27% — в Молдове (вместе с Приднестровьем) и на 21% — в Украине.

Причем, в территориальном плане более заметное сокращение русских произошло на юго-востоке Украины. Также нужно отметить быстрое уменьшение доли русских в населении столиц независимых государств. Минимальное сокращение удельного веса русского населения в этот период характеризовало регионы Республики Беларусь и некоторые области Украины, где изначально была низка доля русских.

Опираясь на концепцию геокультурного пространства, можно отметить, что первое десятилетие после распада СССР привело к резкому уменьшению внешней периферии Русской ГЭКС в постсоветских странах (с долей русских от 25 до 50%), особенно на территории Украины — до двух областей (Донецкой и Луганской). В рамках этой территориальной структуры остались также столицы Эстонии, Латвии, регион Латгалия в Латвии и Приднестровье, отделившееся от Молдовы. Доля русских, превышающая 50%, что соответствует внутренней периферии Русской ГЭКС, сохранилась в Крыму и в эстонском уезде Ида-Вирумаа.

При этом значительно расширился пояс регионов социокультурного поля Русской ГЭКС с минимальным этнокультурным влиянием (менее 5% русских), охвативший Литву (без Вильнюса), Молдову (без Кишинева и Приднестровья) и всю Западную Украину. Большинство областей юго-востока Украины, несмотря на заметное снижение доли русского населения, пока еще оставались в пределах социокультурного поля Русской ГЭКС с сильным этнокультурным влиянием (с долей русских от 10 до 25%). Это Харьковская, Днепропетровская, Запорожская, Херсонская, Николаевская и Одесская области.

Если в странах Балтии уменьшение доли и численности русского населения можно объяснить миграционным оттоком русского населения, то в Республике Беларусь и Украине в этот

период не наблюдалось масштабного оттока русских в Российскую Федерацию. Значит, причины данного явления имеют другую природу. Так, И.В. Митрофанова и С.Я. Суший [19] отмечают, что значительное уменьшение русского населения на Украине (на 3 млн чел. с 1989 по 2001 г.) только на треть объясняется естественной убылью и миграционным оттоком, а остальные две трети можно рассматривать как результат смены этнической самоидентификации части русского населения, имеющего биетническое самосознание. Именно в областях юго-востока Украины, испытывавших в постсоветское время наибольшее сокращение доли и численности русских, наблюдалось самое большое превышение русскоговорящего населения над долей тех, кто обозначил в 2001 г. свою национальность как русские. Причем доля русскоговорящих здесь сильно превышала удельный вес русских даже согласно последней советской переписи 1989 г. (рис. 3).

Также высокой является доля русскоговорящих во всех областях Республики Беларусь. Здесь в первой половине 1990-х годов была предпринята попытка сделать белорусский язык единственным государственным языком. Как отмечает белорусский политолог В.В. Шимов, “попытки навязать белорусский язык в качестве единственного национального языка спровоцировали обострение политической обстановки в стране и постоянно усиливавшееся общественное недовольство, которые и привели “белорусизацию” 1991–1994 гг. к фиаско” [31, с. 107]. На референдуме в Республике Беларусь, состоявшемся 14 мая 1995 г., 83.3% проголосовавших высказалось за придание русскому языку статуса государственного (т.е. за уравнивание его в этом качестве с белорусским) [5]. Тем не менее, доля жителей Республики Беларусь, которые признавали в качестве родного языка русский, с 1989 по 1999 г. уменьшилась с 32 до 24%. Однако принятие русского языка в качестве второго государственного языка Республики Беларусь внесло перелом в ход этносоциальных процессов, и в начале XXI в. здесь наблюдалось крайне необычное явление, о котором будет рассказано ниже.

В странах Балтии и Молдове доля русскоязычного населения, если опираться на итоги переписи населения 1989 г., примерно соответствует суммарной доле русских, украинцев и белорусов. В Эстонии доля русскоязычного населения к 2000/2001 г. уменьшилась на 5.8%, в Латвии — на 5.3%, в Литве — на 3.5%, в Молдове (с Приднестровьем) к 2004 г. — на 2.4%. Главной причиной в данном случае являлся миграционный отток русскоязычного населения. Так, в 1990-е годы среди стран Балтии по сокращению численности населения, главным образом, в результате миграционного оттока, лидировала Эстония, ей несколько уступала Латвия и более значительно — Литва.

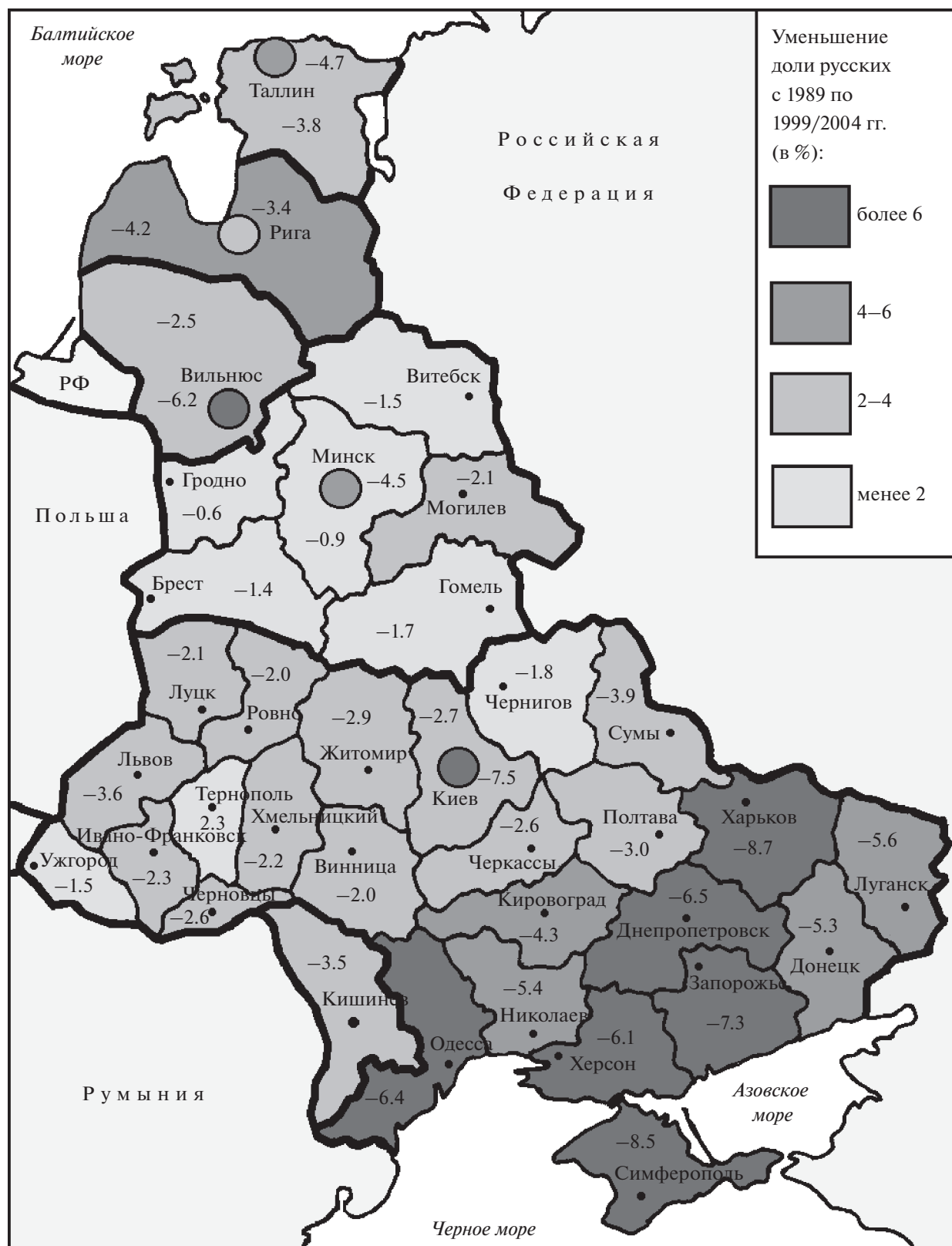

Рис. 2. Динамика доли русского населения между переписью 1989 г. и первым раундом постсоветских переписей 1999/2004 гг. (составлено автором по [6, 7, 32]).

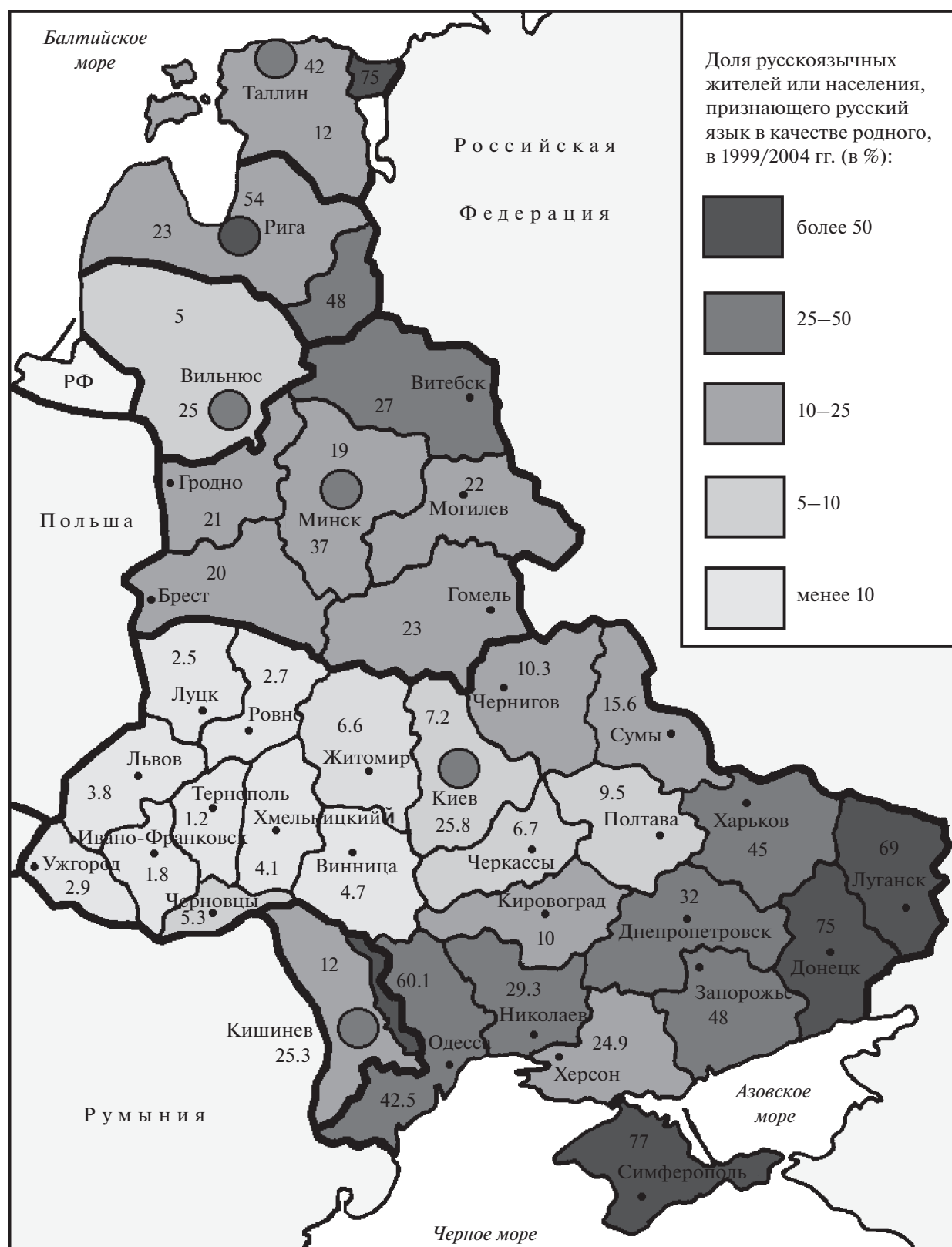

Рис. 3. Доля русскоязычных жителей (Эстония, Латвия, Литва и Молдова) и населения, признающего русский язык в качестве родного (Республика Беларусь и Украина), по итогам первого раунда постсоветских переписей 1999/2004 гг. Составлено автором по [32].

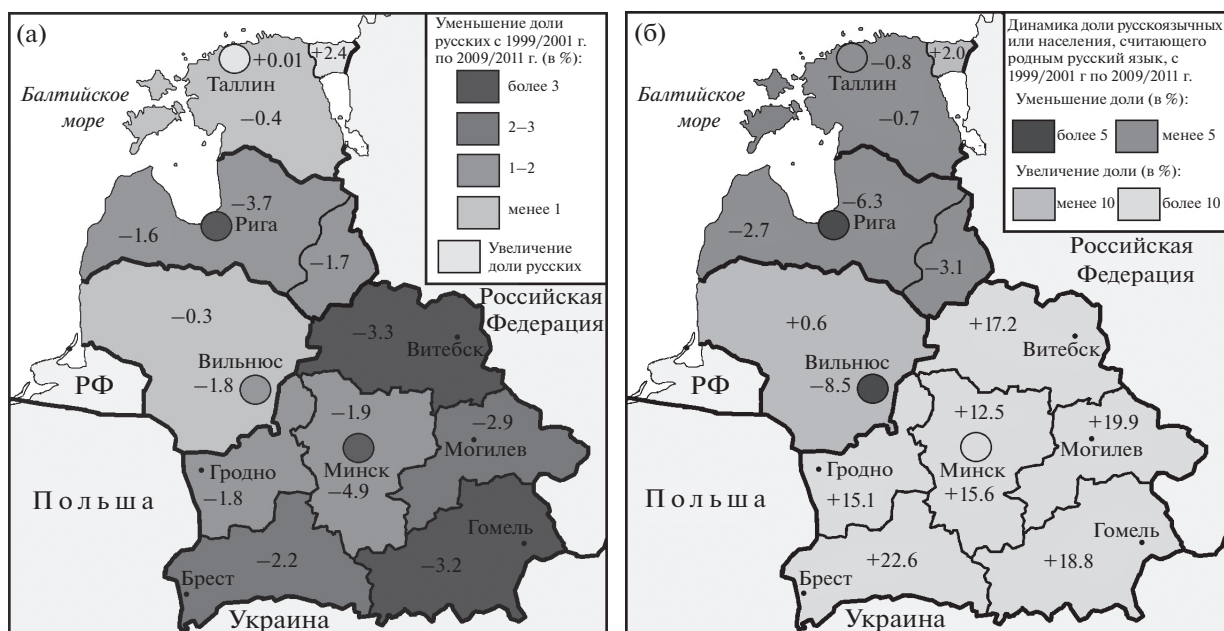

Рис. 4. Динамика доли русского населения (а) и русскоязычных (или населения, считающего родным русский язык) (б) между первым и вторым раундами постсоветских переписей 1999/2001–2009/2011 гг. (составлено автором по [20, 32]).

Также в связи с миграционным оттоком наиболее образованной части русскоязычного населения стала испытывать проблемы немногочисленная диаспора русских в Молдове. Судя по материалам социологических исследований, адаптация оставшихся в Молдове русских сопровождается снижением их этнического самосознания. Тем не менее, пока что основная часть русских сохраняет высокий уровень этнического самосознания. Так, например, этническая принадлежность “значима” и “очень значима” для 56% русских, проживающих в городах Молдовы [21].

Динамика русского населения в первом десятилетии XXI в.

Результаты второго раунда переписей населения на постсоветском пространстве (2009/2014 гг.) показали продолжающийся процесс сокращения русской диаспоры, но его темпы заметно уменьшились [14]. За вычетом Украины, лидером по уменьшению доли русских стала Республика Беларусь (–2.9%), далее следовали Латвия (–2.7%), Молдова (–1.9%), Эстония (–0.5%) и Литва (–0.4%). Хотя Республика Беларусь стала первой по сокращению удельного веса русских, что наглядно отражено на рис. 4а, в ней же очень сильно выросла доля тех, кто стал называть русский язык в качестве родного – с 24 до 41.5% (рис. 4б). Произошедшее можно в полной мере считать итогом признания в 1995 г. русского языка в качестве второго государственного языка Республики Бе-

ларусь, в результате чего этническая самоидентификация стала в меньшей степени связываться с обозначением во время переписи родного языка. Фактически произошел рост “русскоязычия” в стране при формальном снижении количества тех, кто обозначил себя русскими.

Также кардинально изменилась динамика русского и русскоязычного населения в странах Балтии, особенно после их вхождения в 2004 г. в Европейский союз. В первом десятилетии XXI в. по причине глубокого экономического кризиса в лидеры по миграционному оттоку и общей убыли населения вышли Латвия и Литва. В миграционном оттоке, в основном в другие государства ЕС, активно участвовали как титульные народы этих стран, так и русскоязычное население. При этом наибольшими потерями русскоязычного населения отличались столицы Латвии и Литвы – Рига и Вильнюс. А вот Латгалия по темпам убыли русского и русскоязычного населения мало отличалась от остальной территории страны.

На фоне двух других стран Балтии Эстония в первом десятилетии XXI столетия выглядела как “островок” социально-экономического благополучия, поэтому миграционный отток из нее значительно сократился по сравнению с последним десятилетием XX в. При этом почти стабилизировалась доля русского населения. А в самом русскоязычном уезде Ида-Вирумаа доля русского и русскоязычного населения в этот период увеличилась даже несмотря на то, что уезд оказался в наиболее сложной экономической ситуации в

стране и сохранял катастрофический отток населения. Частично рост доли русских в нем объясняется сменой этнического самосознания украинцев и белорусов [27], но также важным фактором стал более интенсивный миграционный отток представителей малочисленных этнических групп и даже эстонцев по сравнению с русским населением.

Выявление компонентов территориальной структуры Русской ГЭКС в европейских постсоветских государствах на рубеже первого и второго десятилетий XXI в. возможно только для стран Балтии и Республики Беларусь, поскольку на территории Украины так и не была проведена перепись населения в этот период. Свое положение во внутренней периферии Русской ГЭКС (с долей русских свыше 50%) сохранил уезд Ида-Вирумаа в Эстонии. Ряд других территорий Эстонии и Латвии (Таллин, Рига, регион Латгалия) остались в рамках внешней периферии Русской ГЭКС (с долей русских от 25 до 50%). Другие территории стран Балтии и Республики Беларусь относятся к социокультурному полю Русской ГЭКС с разной степенью этнокультурного влияния.

Но если опираться формально на удельный вес русских в Республике Беларусь, то к регионам «сильного влияния» Русской ГЭКС в этой стране ныне могут быть отнесены только Витебская область и столица страны. В остальных областях республики доля русских ниже 10%. Но с учетом произошедших в первом десятилетии XXI в. в Республике Беларусь этнических процессов, а точнее, изменений, связанных с признанием русского языка в качестве второго государственного, здесь можно по другому посмотреть на количественные критерии выделения компонентов территориальной структуры Русской ГЭКС. Так, ранее нами было предложено в данной ситуации опираться не на долю тех, кто обозначает себя русскими во время переписей населения, а тех, кто называет русский язык в качестве родного [15]. В этом случае фактически всю территорию Республики Беларусь можно отнести к внешней периферии Русской ГЭКС, что в большей степени отражает реалии. При этом в странах Балтии расхождение доли русских и русскоязычных менее значительное, и потому замена показателя не вносит серьезных изменений в ранее обозначенные результаты исследования.

ВЫВОДЫ

Для изучения территориальных различий в динамике русского населения в постсоветских странах Восточной Европы и Балтии в статье предложено опираться на концепцию геокультурного пространства, в рамках которой, в соответствии с долей русских, выделено несколько компонентов территориальной структуры Русской геоэтно-

культурной системы. В постсоветское время статус внутренней периферии Русской ГЭКС (с долей русских свыше 50%) стабильно сохраняли уезд Ида-Вирумаа в Эстонии и Крым. Однако внешняя периферия Русской ГЭКС (с долей русских от 25 до 50%) заметно съезжилась, особенно на территории Украины (с пяти регионов юго-востока страны до двух областей — Донецкой и Луганской). При этом к данному компоненту территориальной структуры по-прежнему относятся столицы Эстонии (Таллин) и Латвии (Рига), регион Латгалия в Латвии и Приднестровье, отделившееся от Молдовы. К этим территориям также можно приравнять регионы Республики Беларусь, где, несмотря на невысокую долю обозначающих себя русскими во время переписей, высока доля тех, кто называет русский язык в качестве родного. Остальные территории данных постсоветских стран относятся к социокультурному полю Русской ГЭКС с разной степенью этнокультурного влияния. При этом минимальными значениями доли русских (менее 5%) отличается ныне Западная Украина.

Трансформация этнического пространства постсоветских стран происходила под влиянием совокупности целого ряда факторов, которые заметно отличались даже в течение двух рассмотренных периодов. Последнее десятилетие XX в. характеризовалось заметным сокращением в европейских странах СНГ и Балтии численности русского населения. Происходило это преимущественно за счет значительного оттока русского населения из стран Балтии и Молдовы, а также смены этнического самосознания русских в Республике Беларусь и Украине.

В первом десятилетии XXI в. вследствие неблагоприятной социально-экономической ситуации произошло ускорение миграционного оттока русскоязычного населения из Латвии, в то время как в Молдове, Литве и Эстонии данный отток значительно сократился. Если в Молдове и Литве это было связано с исчерпанием миграционного потенциала русской диаспоры, то в Эстонии обозначилась тенденция к стабилизации численности и доли русского населения. А в ее наиболее русскоязычном уезде Ида-Вирумаа даже отмечался рост доли русского населения, объясняющийся более интенсивным миграционным оттоком из депрессивного уезда представителей малочисленных этнических групп и даже эстонцев по сравнению с русским населением. В Республике Беларусь вследствие принятия в 1995 г. русского языка в качестве второго государственного произошло значительное увеличение численности и доли населения, признающего русский язык в качестве родного. Но при этом доля тех, кто называет себя русскими, продолжала уменьшаться.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Данное исследование было поддержано из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

FUNDING

This research was carried out with the support of the Russian Academic Excellence Project at the Immanuel Kant Baltic Federal University.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артюхин М.И. Миграция населения как фактор демографической безопасности Беларуси // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 3 (27). С. 117–122.
2. Артюхин М.И., Пушкевич С.А. Социальные аспекты внешней миграции населения Беларуси // Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2012. № 4. С. 17–21.
3. Бирюкова С.Н. Проблемы функционирования русского языка на Украине // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2014. № 3. С. 27–31.
4. Борисенко В.К. Етнічний склад населення України // Українська етнологія / за ред. В.К. Борисенко. К.: Либідь, 2007. С. 60–69.
5. Бувев А.Л., Буховец О.Г. Государственный билингвизм. Положение русских и русскоязычие в Республике Беларусь // Современная Европа. 2018. № 3 (82). С. 71–82.
6. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php (дата обращения 02.01.2019).
7. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/re-sp_nac_89.php (дата обращения 02.01.2019).
8. Городяненко В.Г. Положение русских в Украине и проблемы их идентичности // Социологические исследования. 2009. № 1 (297). С. 89–96.
9. Ефимов С.А. Куда исчезли русские, или “сообщающиеся сосуды” этноязыковой самоидентификации: Украина, 1989–2001 гг. // История и современность. 2009. № 1. С. 177–189.
10. Житин Д.В., Иванова А.А. Демографическое развитие стран Балтии. М.: Ассоциация книгоиздателей “Русская книга”, 2017. 112 с.
11. Касперович Г.И. Особенности этнического состава населения Республики Беларусь // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы международной науч. конф. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2015. С. 107–111.
12. Кривенко А.В., Фоменко В.Г., Бурла М.П. Этнический состав населения ПМР: ретроспективный и перспективный анализ // Вестн. Приднестровского ун-та. Сер.: Физико-математические и технические науки. Экономика и управление. 2015. Т. 51. № 3. С. 169–178.
13. Лозинський Р.М. Мовна ситуація в Україні (суспільно-географічний погляд). Львів: Вид. центр ЛНУ ім. І. Франка, 2008. 503 с.
14. Максимова С.Г., Шерматова С.Н., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е. Миграционная активность русскоязычного населения и функционирование русского языка в государствах-участниках Содружества независимых государств // Society and Security Insights. 2018. Т. 1. № 3. С. 151–171.
15. Манаков А.Г. Географический анализ динамики русского населения в республиках Прибалтики, Белоруссии, Украине и Молдавии во второй половине XX в. // Псковский регионологический журн. 2019. № 2 (38). С. 3–14.
16. Манаков А.Г. Пространственные закономерности в трансформации этнической структуры населения России в период между переписями 1959 и 2010 годов // География и природные ресурсы. 2019. № 2. С. 106–114.
17. Манаков А.Г. Территориальная структура этнокультурного пространства Европейской России на рубеже XIX–XX вв. // Псковский регионологический журн. 2019. № 1 (37). С. 84–98.
18. Рязанцев С.В., Гребенюк А.А. “Наши” за границей. Русские, россияне, русскоговорящие, соотечественники: расселение, интеграция и возвратная миграция в Россию. М.: ИСПИ РАН, 2014. 238 с.
19. Митрофанова И.В., Суций С.Я. Русские на Украине: геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы // Социологические исследования. 2017. № 8 (401). С. 45–58.
20. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Общая численность населения, его состав по возрасту, полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку и источникам средств к существованию. http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/publications/bul_republic.rar (дата обращения 24.03.2019).
21. Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русские в Молдове: социально-демографические трансформации // Социологические исследования. 2011. № 5 (325). С. 61–71.
22. Русские в новом зарубежье. Миграционная ситуация, переселение и адаптация в России / под ред. С.С. Савоскул. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1997. 363 с.
23. Скляр В. “Поліетнічність” населення України і результати переписі в 1989 та 2001 років // Українознавство. 2016. № 1 (58). С. 136–154.
24. Суляк С.Г. Этнос и языки Молдавии по результатам переписи 2004 г. и данным ГП «Центр государственных информационных ресурсов “registru”» // Русин. 2013. № 3 (33). С. 94–101.
25. Стрелецкий В.Н. Этнические общности в геокультурном пространстве России (Историческая динамика и региональная структура) // Вестн. исторической географии. № 1. Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. С. 31–53.

26. Суций С.Я., Дружинин А.Г. Очерки географии русской культуры. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 1994. 576 с.
27. Суций С.Я. Русские в Прибалтике — геодемографические тренды постсоветского периода и перспективы первой половины XXI века // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 3. С. 21–36.
28. Тархов С.А. Итоги переписи населения Украины 2001 года // Четвертые сократические чтения по географии. Научные теории и географическая реальность: Сб. докладов. М.: Эслан, 2004. С. 144–164.
29. Хмелько В.Е. Лингво-этническая структура Украины: региональные особенности и тенденции изменений за годы независимости // Научные записки НаУКМА. Социологические науки. 2004. Т. 32. С. 3–15.
30. Хрущев С.А. Этнические аспекты демографических процессов в странах Балтийского региона // Балтийский регион. 2010. № 4. С. 91–102.
31. Шимов В.В. Белорусы и проблемы “родного языка” // Современная Европа. 2012. № 1 (49). С. 97–107.
32. Population statistics of Eastern Europe & former USSR. <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения 24.03.2019).
33. Tammaru T., Kulu H. The Ethnic Minorities of Estonia: Changing Size, Location, and Composition // Euras. Geogr. and Econ. 2003. V. 44. Is. 2. P. 105–120.

Territorial Differences in the Dynamics of Russians in the Post-Soviet Eastern European and Baltic Countries

A. G. Manakov^{1, 2, #}

¹*Pskov State University, Pskov, Russia*

²*Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia*

[#]*e-mail: region-psk@yandex.ru*

The article presents the analysis results of the Russian and Russian-speaking population dynamics at the state and regional level of the European CIS countries (Belarus, Ukraine and Moldova) and Baltic states (Estonia, Latvia, Lithuania) in the post-Soviet period. In accordance with the population censuses in these countries, the study interval is divided into two periods: the last decade of the 20th century and first decade of 21st century. The 1990s were characterized by a significant outflow of the Russian population from the Baltic states and Moldova, and a decrease in the proportion of Russians due to a change of ethnic identity in the Republic of Belarus and Ukraine. In the first decade of the 21st century, the outflow of Russians from the Baltic states continued, it was the most significant in Latvia, the minimal in Estonia. In the Republic of Belarus due to the Russian language adoption as the second state language in 1995 there has been a significant increase in the number and proportion of the population that recognizes Russian as mother tongue. The analysis results of the dynamics of Russians' proportion are viewed through the prism of the concept of geo-cultural space. According to this concept, the Russian population proportion can be the quantitative criterion for distinguishing the components of the Russian geoethnocultural system territorial structure, which has experienced significant “shrinking” in the post-Soviet period.

Keywords: post-Soviet space, population ethnic structure, Russians share, geoethnocultural system

REFERENCES

1. Artyukhin M.I. Population migration as a factor in the demographic security of Belarus. *Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz*, 2013, vol. 27, no. 3, pp. 117–122. (In Russ.).
2. Artyukhin M.I., Pushkevich S.A. Social aspects of the external migration of the population of Belarus. *Izv. Natsional'noi Akad. Nauk Belarusi, Ser. Gumanitarnyykh Nauk*, 2012, no. 4, pp. 17–21. (In Russ.).
3. Biryukova S.N. Problems of the functioning of the Russian language in Ukraine. *Sovremennye Probl. Gumanitarnyykh i Obshchestv. Nauk*, 2014, no. 3, pp. 27–31. (In Russ.).
4. Borisenko V.K. Ethnic composition of the population of Ukraine. In *Ukrains'ka etnologiya* [Ukrainian Ethnology]. Borisenko V.K., Ed. Kiev: Libid' Publ., 2007, pp. 60–69. (In Ukrain.).
5. Buyev A.L., Bukhovets O.G. State bilingualism. Conditions of Russians and Russian-speaking in the Republic of Belarus. *Sovremennaya Evropa*, 2018, no. 3 (82), pp. 71–82. (In Russ.).
6. All-Union Census of 1989. The National Composition of the Population in the Republics of the USSR. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php (accessed: 02.01.2019). (In Russ.).
7. All-Union Census of 1989. Distribution of Urban and Rural Population in the Regions of the Republics of the USSR by Gender and Nationality. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/re-sp_nac_89.php (accessed: 02.01.2019). (In Russ.).
8. Gorodyanenko V.G. The position of the Russians in Ukraine and the problems of their identity. *Sotsiologicheskie Issled.*, 2009, vol. 297, no. 1, pp. 89–96. (In Russ.).
9. Efimov S.A. Where the Russians have disappeared, or the “communicating vessels” of ethno-linguistic self-

- identification: Ukraine, 1989–2001. *Istoriya i Sovremennost'*, 2009, no. 1, pp. 177–189. (In Russ.).
10. Zhitin D.V., Ivanova A.A. *Demograficheskoe razvitiye stran Baltii* [Demographic Development of the Baltic Countries]. Moscow: Russ. Kniga Publ., 2017. 112 p.
 11. Kasperovich G.I. Features of the ethnic composition of the population of the Republic of Belarus. In *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territorii* [Ethnography of Altai and the Adjacent Territories]. Barnaul, 2015, pp. 107–111. (In Russ.).
 12. Krivenko A.V., Fomenko V.G., Burla M.P. Ethnic composition of the population of the Pridnestrovian Moldavian Republic: a retrospective and perspective analysis. *Vestn. Pridnestrovskogo Univ., Ser.: Fiz.-matematicheskie i Tekh. Nauki. Ekonomika i Upravlenie*, 2015, vol. 51, no. 3, pp. 169–178. (In Russ.).
 13. Lozyn'skyi R.M. *Movna situatsiya v Ukraini (suspil'no-geografichniy poglyad)* [Language Situation in Ukraine (Socio-geographical View)]. Lviv: Lvivs'kii Natsional'nyi Univ. im. I. Franka, 2008. 503 p.
 14. Maximova S.G., Shermatova S.N., Omelchenko D.A., Noyanzina O.E. Migration activity of Russian-speaking population and functioning of Russian language in the countries—members of the Commonwealth of Independent States. *Society and Security Insights*, 2018, vol. 1, no. 3, pp. 151–171. (In Russ.).
 15. Manakov A.G. Geographical analysis of the dynamics of the Russian population in the Baltic republics, Belarus, Ukraine, and Moldova in the second half of the 20th century. *Pskov. Reg. Zh.*, 2019, vol. 38, no. 2, pp. 3–14. (In Russ.).
 16. Manakov A.G. Spatial patterns in the transformation of the ethnic structure of the Russian population between the 1959 and 2010 censuses. *Geogr. Nat. Resour.*, 2019, vol. 40, no. 2, pp. 106–114. doi 10.1134/S1875372819020021
 17. Manakov A.G. The territorial structure of the ethnocultural space of European Russia at the turn of the XIX–XX centuries. *Pskov. Reg. Zh.*, 2019, vol. 37, no. 1, pp. 84–98. (In Russ.).
 18. Ryazantsev S.V., Grebenyuk A.A. “Nashi” za granitse. *Russkie, rossiyanе, russkogovoryashchie, sootchestvenniki: rasselenie, integratsiya i vozvratnaya migratsiya v Rossiyu* [“Ours” Abroad. Russians, Russian Citizens, Russian Speakers, Compatriots: Settlement, Integration and Return Migration to Russia]. Moscow: Inst. Sots.-Polit. Issled. Akad. Nauk, 2014. 238 p.
 19. Mitrofanova I.V., Sushchii S.Ya. Russians in Ukraine: geodemographic results of the post-Soviet period and medium-term prospects. *Sotsiol. Issled.*, 2017, vol. 401, no. 8, pp. 45–58. (In Russ.).
 20. The Total Population, its Composition by Age, Gender, State of Marriage, Level of Education, Nationalities, Language and Sources of Livelihood. National Statistical Committee of the Republic of Belarus. Available at: http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/publications/bul_republic.rar (accessed: 24.03.2019). (In Russ.).
 21. Ostapenko L.V., Subbotina I.A. Russians in Moldova: socio-demographic transformations. *Sotsiol. Issled.*, 2011, vol. 325, no. 5, pp. 61–71. (In Russ.).
 22. *Russkie v novom zarubezh'e. Migratsionnaya situatsiya, pereselenie i adaptatsiya v Rossii* [Russians in the New Abroad. Migration Situation, Resettlement and Adaptation in Russia]. Savoskul S.S., Ed. Moscow: Inst. Etnologii i Antropologii Akad. Nauk, 1997. 363 p.
 23. Sklyar V. “Polyethnic” population of Ukraine and the results of the 1989 and 2001 censuses. *Ukrainoznavstvo*, 2016, vol. 58, no. 1, pp. 136–154. (In Ukrain.).
 24. Sulyak S.G. Ethnic groups and languages of Moldova according to the results of the 2004 census and the data of the State Enterprise “Center for State Information Resources ‘Registru’”. *Rusin*, 2013, vol. 33, no. 3, pp. 94–101. (In Russ.).
 25. Streletsky V.N. Ethnic communities in the geo-cultural space of Russia (Historical dynamics and regional structure). *Vestn. Istoricheskoi Geogr.*, 1999, no. 1, pp. 31–53. (In Russ.).
 26. Sushchy S.Ya., Druzhinin A.G. *Ocherki geografii russkoi kul'tury* [Essays on the Geography of Russian Culture]. Rostov-on-Don: Severo-Kavkazskii Nauchn. Tsentr Vyssh. Shkoly, 1994. 576 p.
 27. Sushchy S.Ya. Russians in the Baltics – geodemographic trends of the post-Soviet period and prospects for the first half of the 21st century. *Narodonaselenie*, 2018, vol. 21, no. 3, pp. 21–36. (In Russ.). doi 10.26653/1561-7785-2018-21-3-02
 28. Tarkhov S.A. The results of the 2001 population census in Ukraine. In *Chetvertye sokratische chteniya po geografii. Nauchnye teorii i geograficheskaya real'nost'* [The Fourth Socratic Readings on Geography. Scientific Theories and Geographic Reality]. Moscow: Eslan Publ., 2004, pp. 144–164. (In Russ.).
 29. Khmel'ko V.E. Lingvo-ethnic structure of Ukraine: regional features and trends of changes over the years of independence. *Nauchn. Zap. NaUKMA. Sotsiologicheskіe Nauki*, 2004, vol. 32, pp. 3–15. (In Russ.).
 30. Khrushchev S.A. Ethnic aspects of demographic processes in the countries of the Baltic region. *Baltiiskii Region*, 2010, no. 4, pp. 91–102. (In Russ.).
 31. Shimov V.V. Belarusians and the problems of the “native language”. *Sovremennaya Evropa*, 2012, vol. 49, no. 1, pp. 97–107. (In Russ.).
 32. Population Statistics of Eastern Europe & Former USSR. Available at: <http://pop-stat.mashke.org/> (accessed: 24.03.2019).
 33. Tammaru T., Kulu H. The ethnic minorities of Estonia: changing size, location, and composition. *Eurasian Geogr. Econ.*, 2003, vol. 44, no. 2, pp. 105–120.